

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Влияние Достоевского на язык русской философии

Коробов Андрей Юрьевич

Аспирант

*Воронежский государственный университет, Факультет философии, Воронеж,
Россия*

E-mail: andrey0889@mail.ru

В русской философии условно можно выделить два типа философского языка: язык, тяготеющий к научности и усваивающий классический образец европейского философствования (этот тип представлен прежде всего Вл.Соловьевым, который впервые среди русских мыслителей разработал философскую систему, и его наследниками, философами всеединства, о.С.Булгаковым, о.П.Флоренским, Н.О.Лосским и др.), и язык экзистенциальной философии, язык свободного философствования, одним из главных свойств которого является литературоцентризм (здесь следует назвать прежде всего таких философов, как Н.А.Бердяев, Л.И.Шестов, В.В.Розанов). Первый тип идет от Вл.Соловьева и разрабатывается в школе всеединства, второй же испытывает большое влияние Достоевского. Так, Л.М.Лопатин писал о языке Соловьева, что это «образцовый русский философский язык, поражающий своей ясностью, меткостью, изяществом и простотой» [3], Розанов же, наоборот, указывал на то, что у Соловьева «езде звон фразы, шелканье фраз, силлогизмы», красивые слова (эклетиный язык из эзотерики, Шеллинга и немецких мистиков), но «родного-то слова между ними ни одного не было, все были чужие» [4,32]. Знаменательно здесь вспомнить, что Бердяев вообще причислял Соловьева, скорее, к немецкой, нежели к русской философии, что полнее согласуется с претензией Розанова к Соловьеву, что у последнего не было «родного слова».

Философы давно уже отмечали, что всякая философия создает свой особый философский язык, адекватный себе самой и тем проблемам, который она описывает. Очевидно, что невозможно использовать классический философский язык рационализма для описания таких вещей, которые сами по себе глубоко иррациональны и не терпят никакой системы. Тогда возникает необходимость заговорить иным языком, адекватным реальности. Таким языком для русской философии был литературный язык. Литературовед Цветан Тодоров пишет, что «Литература существует именно как усилие сказать то, что на обычном языке не высказывается и высказать невозможно. По этой причине критика (лучшая её разновидность) всегда стремилась стать литературой» [5,73]. Совершенно так же не только с критикой, но и с философией, которая базируется на литературе, - она неизбежно тянется к её формам, не становясь при этом сама литературой.

Философам всеединства нет необходимости транскрибировать язык своего учителя, переводить его, эксплицировать его идеи, т.к. ни говорят на одном и том же языке. Со всем другим с линией экзистенциальной. Достоевский говорит художественным языком, в отличие от Бердяева и Шестова. Потому им необходим перевод Достоевского. «Достаточно вспомнить одного Достоевского, - пишет Бердяев, - чтобы почувствовать, какая философия может и должна быть в России. Русская метафизика переводит на философский язык Достоевского» [2,350]. Но процесс перевода, который всегда сопряжен с усвоением, рефлексией и часто с продолжением содержательной стороны переводимого,

трансформирует оба языка – язык «оригинала» и язык «перевода», в результате чего создается некий гибридный философский язык – язык русской философии Ренессанса, который действительно оказывается глубоко адекватным дискурсу Достоевского в русской философии. Бахтин, рассуждая, в сущности, об этих же проблемах перевода, признавал, что его язык не подходит для философского осмысления Достоевского, т.к. он переводит на язык отвлеченного мировоззрения то, что было предметом конкретного и живого художественного виденья и стало принципом формы, а такой перевод всегда неадекватен. Правда, Бахтин и за русскими философами Ренессанса не признает такого адекватного перевода. Так, в «Проблемах творчества..» он пишет: «Изъятая из событийного взаимодействия сознаний и втиснутая в системно-монологический контекст, хотя бы и в самый диалектический, идея неизбежно утрачивает это свое своеобразие и превращается в плохое философское утверждение» [1,212]. Здесь имеется в виду русская философская критика, которую Бахтин упрекает в игнорировании главной особенности Достоевского – полифонизма. Однако русские философы не изымали идеи из их событийного контекста, а наоборот – сами входили в этот контекст и жили в нем, отождествляя себя с персонажами Достоевского и усваивая порой себе даже их интонации. Потому идеи Достоевского не переводились на язык сухих понятий, но брались в своей ситуации. Можно сказать, что русские религиозные философы стали персонажами еще одного романа Достоевского, который потом историки назвали Русский Религиозный Ренессанс. Как европейская философия есть один большой комментарий к Платону, так и русская философия, можно сказать, есть комментарий к Достоевскому, который, правда, более похож на продолжение самого текста. Этот большой текст русской философии пишется и по наше время, меняя интенсивность рассказа, интонацию, порой даже сюжет и, конечно, язык.

Русский поэт сравнивал язык с рекой, которая то мерно течет, то становится вдруг водопадом. Продолжая эту метафору, можно смело утверждать, что в один язык не войти дважды. У философии нет своего постоянного языка. Язык дом бытия, но философия нигде не чувствует себя как дома – она лишь тяга повсюду себя чувствовать как дома, она вынуждена кочевать по съемным квартирам, в каждой из которых она будет говорить на языке хозяина, точно так же как Достоевский до конца жизни был странником и кочевал по съемным квартирам. Соответственно и философия его – это философия странничества, которая побывала на своей особенной каторге, знает великую жестокость и жалость, это философия жизни. Такой философии нужен живой язык, язык жизни, а не сухих понятий. Потому так важен Достоевский русской философии, что он не только научает её жизненно мыслить, но и жизненно говорить.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. 5-ое изд., доп. – Киев, «НЕХТ», 1994
2. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007
3. Лопатин Л.М. Памяти Вл.С.Соловьева // <http://www.vehi.net/soloviev/lopatin.html>
4. Розанов В.В. Мимолетное. 1915 год // Начала. № 3. М., 1992.

5. Тодоров, Цветан, Введение в фантастическую литературу. – М.: Дом интеллектуальной книги 1999